

**Момбауэр А.**

**ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС.  
ПУТЬ ЕВРОПЫ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ. (Реферат)**

**Mombauer A.**

**Die Julikrise. Europas Weg in den Ersten Weltkrieg. Bonn:  
Bpb, 2014. – 128 S.**

Монография немецкого историка Анники Момбауэр, выпускницы Вестфальского Мюнстерского университета и преподавательницы Открытого университета в Милтон Кейнс, Великобритания, была издана большим тиражом и долгое время находилась в списке бестселлеров в Германии. Книга состоит из Введения: 100 лет со дня июльского кризиса, затем следуют главы: Предвоенная дипломатия, Смерть в Сараево, Первые реакции на покушение, Ультиматум Вены, Попытки посредничества со стороны великих держав, Мобилизация и начало войны. Имеются Заключение, Список источников и литературы и Именной указатель (надо отметить, что многочисленные публикации документов на русском языке автором проигнорированы. – *Прим. реф.*).

Во Введении автор напоминает, что воскресенье 28 июня 1914 г. было последним днем официального визита в Боснию эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены Софии Хоенберг, в программе стояло посещение столицы этой провинции Сараево. Оба они радовались этому дню, в отличие от жестких церемоний Венского двора они могли здесь вместе наслаждаться праздничной программой. В Вене София из-за своего неравенства по происхождению не могла по правилам двора показываться вместе с мужем на официальных церемониях. В Боснии же, удаленном уголке Австро-Венгерской империи, эти формальности можно было не соблюдать. Первые три дня визита для этой пары, несмотря на предупреждения, что безопасность не может быть гарантирована, стали успешными. София сказала 27 июня заместителю председателя хорватского парла-

мента Йосипу Сунаричу и австрийскому военному губернатору, что их предостережения по поводу возможной опасности были напрасными и там, где они в эти дни побывали, все до последнего серба искренне и тепло их приветствовали. Сунарич заметил, что он будет рад, если эрцгерцогиня сможет повторить эти слова завтра: «Тогда с моих плеч спадет тяжкий груз» [с. 7].

28 июня был особо чтимый сербами день Святого Витта, в этот день в 1389 г. сербская армия была разбита на Косовом поле войсками Османской империи. Разумеется, выбранный для посещения аннексированной в 1908 г. Боснии наследником австро-венгерского престола срок визита был неудачным. Этот визит сербы внутри Боснии и за ее пределами рассматривали как провокацию. Они не приняли аннексию, многие из них стремились к созданию Великосербского государства, в котором находились бы все сербы. В двух балканских войнах 1912 и 1913 гг. Сербия победила Турцию и Болгарию, почти вдвое увеличила свою территорию и население с 3 до 4,5 млн человек. Речь шла о дальнейшем присоединении земель, где проживают сербы. Около 2 млн сербов жили в Австро-Венгрии, из них 850 тыс. в Боснии-Герцеговине.

В таких условиях эрцгерцог поехал в Боснию, чтобы проинспектировать военные маневры, и день Св. Витта должен был стать главным в этом визите с посещением столицы Сараево. Он закончился известной трагедией. Наследник австро-венгерского престола и его жена в первой половине дня 28 июня были застрелены молодым боснийским сербом Гаврилой Принципом. Это покушение готовилось заранее, путь следования кортежа был известен из прессы. Но никто не мог предвидеть, что покушение вызовет международный кризис, который выльется в августе 1914 г. в войну великих держав.

«Смерть одного человека в Сараево привела к смерти миллионов людей в Первой мировой войне. И данная война с ее перемирием в ноябре 1918 г. и вынужденно подписанным Германией миром 1919 г. не нашла разрешения, что привело позже ко второй, еще более катастрофической войне. Не будет преувеличением утверждать, что июльские недели, так называемый июльский кризис, когда в столицах великих держав решался вопрос о войне и мире, стал определяющим для всей истории XX в. Поэтому вполне справедливо видеть в этой войне “изначальную катастрофу этого века” (Джордж Кеннан). Как и почему пришли к этой войне – это и является темой данной книги» [с. 8–9].

Далее автор освещает достижения прошлой и современной историографии. Вопросом о причинах войны, или точнее вопросом о виновниках войны занимались правительства, а потом многочисленные историки, пишет Момбауэр. События последних мирных недель очень скрупулезно изучались и критически освещались. Когда победители трактовали это в 1919 г. в Вер-

сале, то у них не было сомнений: войну сознательно развязали Германия и ее союзники и теперь они должны быть наказаны за это преступление. Таким образом, единственными ответственными за развязывание войны, за жестокие преступления в странах, где были немецкие войска, признавались Германия и ее союзники. На них возлагалась вина за экономические разрушения в странах Антанты (Великобритании, Франции, России и их союзников), за смерть 10 млн солдат, за миллионы оставшихся инвалидами, за вдов и сирот.

Но в Германии эти обвинения отвергали. Только в 1960-е годы появилась «контroversия» немецкого историка Фрица Фишера, который в своей книге «Рывок к мировому господству» возлагал вину за развязывание войны на Германию. 50 лет спустя к 100-летней годовщине июльского кризиса страница оказалась снова перевернутой, теперь выдвигаются разносторонние аргументы о том, что развязывание войны нельзя объяснить действиями только одного государства или правительства. Только с помощью сравнения в международном контексте, в этом существует консенсус среди историков, можно объяснить, как пришли к Первой мировой войне [с. 10–11]. При этом представлен взгляд, что Германия и ее союзники в 1919 г. были несправедливо обвинены в развязывании войны. В новейших исследованиях темой стали ответственность России (Шон Мак-Микин) или Франции (Штефан Шмидт), или ответственность всех и уход от обвинения конкретных стран. Так, например, Кристофер Кларк сомневается в том, что имеет смысл искать виновного стрелочника [с. 11].

Если почитать новейшие исследования, то получишь впечатление, что Европа и в самом деле, как сказал в свое время Ллойд Джордж, «соскользнула» к войне. Но вместе с тем выдвигаются аргументы, что такой подход по поводу ответственности слишком относителен и не выдерживает критики. Правительства великих держав, как и их население, не «соскользнули» невольно к войне и не каждое правительство в одинаковой мере ответственно за то, что произошло после эскалации кризиса, начавшегося с убийства эрцгерцога в Сараеве. Много раз историками показывалось, что июльский кризис 1914 г. делится на разные этапы. Разумеется, убийство Франца Фердинанда стало причиной крупного кризиса, но поначалу мирное разрешение конфликта между Австро-Венгрией и Сербией представлялось вполне возможным. Когда новость из Сараева попала на первые страницы газет, никто не ожидал, что за этим последует война. До последнего момента были возможности предотвратить эскалацию кризиса и начало большой войны. «В данной книге показывается, почему эти возможности остались неиспользованными и как летом 1914 г. пришли к тому, что разразилась Первая мировая война» [с. 15].

В последующей главе «Предвоенная дипломатия» автор показывает, что июльский кризис, по сути, был «последним актом в длинном ряду международных конфликтов, которые в 1900–1914 гг. ставили Европу на грань

войны» [с. 15]. Момбауэр напоминает, что Европа перед Первой мировой войной была разделена на два лагеря, и дипломатия действовала в соответствующих рамках. С одной стороны, это были Германия, которая с 1879 г. находилась в союзе с Австро-Венгрией, а с 1882 г. и с Италией. Этот Тройственный союз должен был предотвратить войну в Европе. С 1894 г. ему противостоял альянс Франции и России. В 1904 г. возникла «Антанта Великобритании и Франции», с 1907 г. после сближения России и Великобритании заговорили о Тройственной Антанте. На периферии оставались малые государства, которые стремились к сближению с этими блоками. Например, Сербия имела сильные «панславистские» связи с Россией, а Турция была связана с Германией. В Берлине надеялись, что Болгария в случае войны примкнет к Тройственному союзу (это произошло в 1915 г.), Румыния, напротив, вступила в конфликт на стороне Антанты в 1916 г. Италия уже в ходе июльского кризиса пыталась сохранить за собой «все возможные опции», она еще в 1902 г. заключила тайное соглашение с Францией, несовместимое с ее членством в Тройственном союзе. Позиция нейтралитета, которую она заняла летом 1914 г., показывала, что участие в Союзе не всегда приводило к непосредственному участию в войне на его стороне.

Другие европейские государства в предвоенное время соблюдали строгий нейтралитет. Среди них находилась Бельгия, нейтральный статус которой гарантировал подписанный всеми великими державами в Лондоне в 1839 г. договор.

Автор перечисляет далее кризисы и военные конфликты начала XX в.: марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., боснийский кризис 1908 г., Русско-японская война 1904–1905 гг., Итало-турецкая война 1911–1912 гг., балканские войны 1912 и 1913 гг. Зимой 1912–1913 гг. сумели избежать большой войны, Австро-Венгрия тогда была готова начать войну против Сербии, но Германия, не готовая к войне, не поддержала тогда своего союзника. Вопрос о бельгийском нейтралитете был очень важен в планировании военных действий со стороны как Германии, так и Франции. Начальник германского Генерального штаба Хельмут фон Мольтке ясно давал понять своему политическому руководству, что, согласно так называемому «плану Шлиффена», германские войска должны будут пройти через территорию Бельгии, независимо от международной реакции на нарушение ее нейтралитета. Только так представлялось возможным, как планировал Генеральный штаб, за шесть недель победить Францию. Никто не сомневался, что войну придется вести на двух направлениях, так как знали, что Россия поддержит Францию. Планируя нанести удар России после победы во Франции, немцы надеялись на нейтралитет Англии. В случае вступления Англии в войну английский экспедиционный корпус в 150 тыс. солдат, согласно Мольтке, можно было не прини-

мать в расчет. Это был грубый просчет германского командования. Во всех странах были сторонники и противники войны.

Убийство в Сараеве прогремело как гром среди ясного неба, пишет Момбауэр в следующей главе. Но почему все это произошло? Автор дает свои объяснения, она считает, что Сербия была бельмом в глазу у Австро-Венгрии. После ухода с политической сцены династии Обреновичей в 1903 г. Сербия проводила антиавстрийскую политику. Австрийские политики считали, что Сербия должна была быть наказана.

О первой реакции на убийство Франца Фердинанда в Вене и Берлине рассказывается в следующей главе. «Теперь или никогда», таково было мнение Х. фон Мольтке в Берлине и Ф.К. фон Гётцендорфа в Вене. При этом в расчет брались такие факторы, как не допустить распада Австро-Венгерской монархии и не ждать пока Российская армия завершит свое переформирование.

Предъявление Сербии 23 июля ультиматума Вены вызвало самые разные отзывы со стороны правительств великих держав. Российский министр иностранных дел Сергей Сазонов считал, что это означает «европейскую войну» [с. 61]. Ультиматум был намеренно составлен в таком вызывающем тоне, чтобы Сербия не смогла его принять. Сербская армия находилась в плачевном состоянии и не могла воевать с Австро-Венгрией. Надежды сербских политиков возлагались на Россию, но они не были уверены, что она их поддержит, уже был прецедент 1913 г., когда Россия не поддержала Сербию. Когда Сербия запросила Россию о том, принимать ли ей ультиматум, ответом было – не принимать. Никакое государство не может такого сделать, сказал Сазонов сербскому посланнику Спалайковичу 24 июля. «Этот ответ был фатальным, так как тем самым Сербию призывали не принимать ультиматум» [с. 65]. В Париже и Петербурге строили свои планы в связи с ультиматумом. Лондон пытался играть роль посредника, и не было ясно, какую позицию он займет в случае начала войны.

Следующим этапом стала мобилизация. Чтобы не обострять кризиса, Сазонов предлагал провести в России частичную мобилизацию, потому что она помогла бы избежать войны. 30 июля советники Николая II посоветовали ему начать всеобщую мобилизацию. «Всеобщая мобилизация в России 31 июля хотя и делала войну более вероятной, но она не была причиной для начала войны» [с. 103]. Для нее России ввиду ее расстояний требовались 26 дней, тогда как Германия могла провести мобилизацию за 13 дней [с. 99]. Русские армии могли быть в случае необходимости демобилизованы. Армия Германии находилась в иных условиях. Приказ о ее мобилизации поступил позднее, 31 июля, надо было выждать, чтобы Россия объявила о мобилизации первой, чтобы представить немецкую мобилизацию как ответ на враждебные действия России. В пять часов 1 августа, в последнюю минуту, как считали немецкие военные, кайзер подписал приказ о мобилизации [с. 108].

Впоследствии события конца июля – начала августа 1914 г. представлялись судьбоносными. Современники воспринимали эти последние дни мира менее драматично. Франц Кафка записал в своем дневнике 2 августа: «Германия объявила войну России. В послеобеденное время обучение плаванию» [с. 113]. Европейцы, пережившие июльский кризис, не могли себе представить, к какой страшной войне он приведет, пишет автор.

В год 100-летия с начала Первой мировой войны вновь и вновь ставился вопрос: «Зачем была нужна эта война и уничтожение миллионов людей?», замечает Момбауэр в Заключении. Наибольшая ответственность за начало этой войны, по мнению автора, лежит на Австро-Венгрии и Германии и связана с принимавшимися ими решениями [с. 117]. Если в Париже и Петербурге возлагали надежды на то, что кризис отношений между Сербией и Австро-Венгрией может закончиться мирно, то в Вене и Берлине такого исхода хотели меньше всего [с. 118].

Если заново рассмотреть действия великих держав, то приходится отвергнуть высказанное в межвоенные годы утверждение Ллойд Джорджа, что европейские державы беспомощно соскользнули в войну, которой никто не хотел. Как мы видели, пишет автор, эта война не была результатом «профессиональных просчетов» небольшой группы дипломатов, политиков и военных (как считает Хольгер Аффлербах). Война не была «несчастливым случаем», она не стала результатом ошибок или недоразумений, и ответственные лица 1914 г. вовсе не были «лунатиками» (как думает Кристофер Кларк), в отличие от этого они четко знали, что они делают. Война разразилась потому, что влиятельные круги в Вене и Берлине ее хотели и сознательно шли на риск, и потому, что в Париже и Петербурге были готовы вести войну, если она будет начата. Разумеется, в Париже и Петербурге и частично в Лондоне в июле были сторонники войны, прежде всего в среде военных. Но решения начать войну летом 1914 г. были приняты в Вене и Берлине. Здесь стремившиеся начать войну военные оказывали огромное влияние на политические и дипломатические круги, и поэтому многие политики и дипломаты видели международную систему в «суженной военной перспективе» (как считает Зёнке Найтцель).

Державы Антанты через четыре года выиграли войну, им помогли вступившие в войну на их стороне в 1917 г. США. И все же в этой войне были одни лишь проигравшие: миллионы солдат и гражданских лиц, которые погибли; неисчислимые рати сыновей, потерявших жизнь на полях сражений; опустошенные города и села в Бельгии, Франции, Галиции; страшные духовные и телесные раны у выживших в войне; распад империй с потерей территорий и населения [с. 120].

*В.П. Любин*